

Содержание

Эрнестина	3
Флорвиль и Курваль, или Неотвратимость судьбы	106
Двойное испытание	187

Эрнестина

Шведская повесть

После Италии, Англии и России мало стран кажутся мне столь же заслуживающими внимания, как Швеция. Но если мое воображение воспламенялось при мысли о возможности увидеть знаменитые края, давшие миру Алариха, Аттилу и Теодориха — этих героев, ставших во главе многочисленных войск, сумевших ввергнуть в трепет императорских орлов, чьи крылья простирались почти над всем миром, и заставивших римлян отступить до стен собственной столицы, то душа моя горела желанием увидеть родину Густава Вазы*,

* Густав Ваза, убедившись, что римское духовенство, деспотическое и непокорное по природе своей, присвоило часть власти государя, разоряет народ и уже ничто не может исправить нрав его, ввел в Швеции лютеранство, предварительно вернув народу огромные богатства, украденные у него католическими попами. — *Примеч. авт.*

Густав Эрикссон из рода Ваза, шведский король (1523—1560), при котором была восстановлена независимость Швеции, провел королевскую реформацию. — *Здесь и далее, где не указано иное, примеч. пер.*

королевы Кристины* и Карла XII**... Каждый из них был известен по-своему: первый прославился своей философией, качеством редкостным и поистине бесценным для суверена, своим достойным уважения благоразумием, заставляющим склонять головы те религии, что начинают препятствовать не только власти правительства, коей они должны подчиняться, но и счастью народов, единственному объекту деятельности законодателя; вторая прославилась величием души, предпочтя одиночество и литературные занятия блеску трона; третий — своим геройством и доблестями, заслужившими ему бессмертное прозвище Александра Македонского. Если все эти предметы вызвали восхищение мое, то с еще большим жаром желал я выразить восторг свой народу мудрому, добродетельному, сдержанному и великодушному, ибо он поистине может служить образцом среди прочих народов Севера!

Именно с таковыми намерениями 20 июня 1774 года я отбыл из Парижа и, проехав Голландию, Вестфалию и Данию, к середине следующего года прибыл в Швецию.

После трехмесячного пребывания в Стокгольме объектом моей любознательности стали знамени-

* Шведская королева (1632—1654), дочь Густава II Адольфа.

** Король Швеции (1697—1718).

тые рудники, описания коих читал я во множестве и где рассчитывал я повстречаться с приключениями наподобие тех, о которых повествует нам аббат Прево в своих анекдотах. Мне это удалось... однако сколь велика была разница!

Итак, я направился сначала в Упсалу — город, расположенный по обоим берегам реки Фюрисон. Будучи долгое время столицей Швеции, город этот и по сей день является вторым по значимости после Стокгольма. Прожив в нем три недели, я отправился в Фалун, древнюю колыбель скифов, бывшую столицу Далекарлии, чьи жители до сих пор сохраняют нравы и обычаи предков. Покинув Фалун, я прибыл на рудник Таперг, один из самых значительных в Швеции.

Рудники, являясь самым богатым источником доходов государства, быстро подпали под власть англичан по причине долгов, сделанных владельцами рудников, и представителей сей нации, всегда готовых дать займы тем, кого они вскорости рассчитывают закабалить, препятствуя их коммерции либо подрывая могущество их своими ростовщическими займами.

Когда прибыл в Таперг, мое воображение заработало еще до того, как я спустился в подземелья, где жажда роскоши и скардность нескольких человек весьма умело поглотили все прочие их качества.

Побывав недавно в Италии, я поначалу представлял, что рудники Таперга будут похожи на катакомбы Рима или Неаполя. Я ошибался: хотя они и более глубоки, но я не испытал в них столь гнетущего чувства одиночества.

В Упсале мне дали в проводники человека образованного, много читавшего и не чуравшегося сочинительства. К счастью для меня, Фалькенейм (таково было его имя) прекрасно говорил по-немецки и по-английски, на тех единственных для меня языках, употребляемых на Севере, с помощью которых я мог с ним объясняться. На первом, предпочитаемом нами обоими, мы могли договориться о любом предмете, и мне было весьма просто понять ту историю, кою я сейчас и намереваюсь вам поведать.

С помощью корзины и веревки — механизма, устроенного так, что использование его не представляет ни малейшей опасности, — мы спустились в шахту и уже через минуту находились на глубине ста двадцати туазов* от поверхности земли. Не без удивления увидел я там улицы, дома, храмы, постоянные дворы. На улицах царило оживление: люди трудились, жандармы надзирали, судьи вершили суд — словом, было все, что подобает самому цивилизованному городу Европы.

* Туаз — старинная французская мера длины, равная 1,949 м.

Пройдя мимо странных сих обитателей, мы вошли в таверну, где Фалькенейм получил от трактирщика все, что требуется для подкрепления сил, а именно: отменного пива, сушеной рыбы и особого сорта шведского хлеба, весьма распространенного в местных деревнях и выпекаемого из еловой хвои и березовой коры, смешанных с соломой, дикими кореньями и овсяной мукой. Что еще может желать путешественник для удовлетворения скромных своих потребностей? Философ, путешествующий по миру, дабы поучиться, должен приспосабливаться к любым нравам, к любым религиям, к любой погоде и любому климату, любым постелям и любой пище, оставив праздному столичному бездельнику предрассудки, а также роскошь... вызывающую роскошь, что, никогда не отвечая насущным потребностям, каждый день изобретает повод, дабы расходовал он состояние и здоровье свое.

Наша скромная трапеза подходила к концу, когда один из работников рудника, в куртке и штанах голубого цвета, с плохоньким маленьким паричком на голове, подошел к Фалькенейму и поздоровался с ним по-шведски. Из уважения ко мне провожатый мой ответил ему по-немецки, и заключенный (а это был один из них) тут же перешел на этот язык. Несчастный, видя, что беседа ведется исключительно ради меня, и догадавшись, откуда я родом, сделал мне комплимент

по-французски, а затем осведомился у Фалькенейма, что нового в Стокгольме. Он назвал множество имен придворных, поговорил о короле, и все это с такой свободой и изяществом, что я невольно прислушался к его речам. Он спросил у Фалькенейма, не думает ли тот, что однажды ему выйдет помилование, на что провожатый мой ответил отрицательно и сочувственно пожал собеседнику своему руку.

Узник тотчас же удалился: в глазах его было страдание, и он напрочь отказался разделить с нами трапезу, как мы ни настаивали. Через минуту, однако, он вернулся и спросил Фалькенейма, не сочтет ли тот за труд передать одно письмо, кое он сейчас же напишет. Мой провожатый пообещал ему выполнить просьбу, и заключенный вышел.

Как только он ушел, я обратился к Фалькенейму:

— Кто этот человек?

— Один из самых блестящих дворян Швеции, — ответил тот.

— Поистине это удивительно.

— Впрочем, здесь ему неплохо: терпимость государя нашего можно сравнить с великодушием Августа по отношению к Цинне*. Человек, коего

* Имеется в виду герой пьесы французского драматурга Пьера Корнеля «Цинна, или Милосердие Августа» Гнея Корнелия Цинны, участвовавший в заговоре против римского императора Августа, который после раскрытия заговора пощадил заговорщиков.

вы только что видели, граф Окстьерн, один из тех мятежных сенаторов, что выступили против короля в 1772 году*. Как только мятеж был подавлен, сенатора осудили за совершение ужасных преступлений. По закону ему был вынесен смертный приговор, но король, памятуя о той ненависти, что выказывал ему граф ранее, приказал привести его к себе и сказал: «Граф, судьи мои приговорили вас к смерти... Несколько лет назад такой же приговор вы вынесли и мне. Но именно поэтому я спасаю вам жизнь. Я хочу доказать вам, что сердце того, кого вы почли недостойным занимать трон, не чуждо милосердия». Окстьерн припал к ногам короля, заливаясь слезами. «Мне хотелось бы во все избавить вас от наказания, — произнес король, поднимая его, — однако число преступлений ваших не позволяет мне сделать этого. Я отошлю вас на рудники; счастья вы там не обретете, но, по крайней мере, сможете там жить... А теперь уходите». Окстьерна привезли сюда, и вы только что видели его. Идемте, — добавил Фалькенейм, — уже поздно, мы заберем письмо по дороге.

* Здесь уместно напомнить, что в восстании этом король был на стороне народа, а сенаторы выступали против народа и короля. — *Примеч. авт.*

Густав III, король Швеции (1771—1792), опираясь на армию, совершил в 1772 году государственный переворот, ликвидировав правление феодально-аристократической олигархии и установив неограниченную власть короля.

— Но, сударь, — сказал я своему провожатому, — вы разбудили мое любопытство, и я готов еще хоть неделю оставаться в сих местах. Я ни за что не покину чрево земное, пока вы доподлинно не поведаете мне историю этого несчастного. Хотя он и преступник, лицо его показалось мне не лишенным благородства... Ему ведь нет еще и сорока? Желал бы я когда-нибудь увидеть его на свободе: мне кажется, он снова смог бы стать честным человеком.

— Он — честным? Никогда... никогда!

— Сударь, пощадите любопытство мое и удовлетворите его своим рассказом.

— Хорошо, я согласен, — ответил Фалькенейм, — к тому же время, что займет мой рассказ, даст несчастному возможность написать письмо. Пошлем сказать ему, что он может не торопиться, а сами перейдем в заднюю комнату, там нам будет спокойнее... Однако меня вовсе не радует необходимость посвящать вас в эту историю: она, несомненно, приглушит то сострадание, кое негодяй этот разбудил в вас. Я предпочел бы оставить вас в неведении, дабы вы могли сохранить чувство, возникшее в вас с первого взгляда на него.

— Сударь, — заметил я Фалькенейму, — ошибки человека учат меня постигать натуру его, а в путешествиях своих я преследую именно эту цель. Чем более отклоняется человек со стези, предпри-

санной ему законом или природой, тем более изучение характера его становится интересным и тем больше вызывает он во мне любопытства и сострадания. Добродетель требует лишь почитания, путь ее — это путь счастья... и добродетельный человек должен быть счастлив, ибо тысячи объятий распахнутся ему навстречу, когда противник станет его преследовать. Но все мгновенно отворачиваются от преступника... краснеют, когда требуется протянуть ему руку помощи или же выказать сострадание. Всех обуревают страх заразиться его недугом, и потому его изгоняют изо всех сердец; из-за гордыни мы начинаем оскорблять того, кому, согласно законам человечности, следовало бы помочь. Неужели, сударь, можно встретить смертного, чья судьба была бы более занимательна, чем удел того, кто с невероятной высоты сорвался в бездну горестей, того, кто, привыкнув лишь к милостям фортуны, испытывает теперь лишь удары ее... кто терпит все беды, вызванные нуждою, а в душе своей слышит горькие упреки совести, пробуждающейся от укулов ядовитого жала отчаяния? Он, он один, дорогой мой, достоин сострадания моего. Я не стану повторять вслед за глупцами: *«Он сам виноват»* — или же следовать примеру тех бездушных, кто в жестокосердии своем твердит: *«Нет ему прощения»*. Ах, что мне за дело до той черты, кою переступил он и презрел, что мне за дело до того,

что совершил он! Он человек и, стало быть, слаб... Он преступник, но он несчастен, и мне жаль его... Рассказывайте же, рассказывайте, Фалькенеим, я сгораю от нетерпения.

И мой почтенный друг рассказал мне все.

В начале нынешнего века один дворянин, католик по вероисповеданию и немец по рождению, вследствие одного дела, не порочащего, однако, вовсе чести его, вынужден был покинуть свою родину. Зная, что в Швеции хотя и осудили заблуждения папистов, но относятся к таковым весьма терпимо, особенно в провинции, он прибыл в Стокгольм. Молодой, прекрасно сложенный, грезящий о военных подвигах и славе, пылкий и стремительный, он понравился Карлу XII и был удостоен чести сопровождать его во многих походах. Он был с ним в злосчастной битве под Полтавой, следовал за королем при отступлении под Бендерами, разделил с ним турецкий плен и вместе возвратился в Швецию.

В 1718 году, когда государство потеряло своего героического короля под стенами Фредериксхалля в Норвегии, Сандерс (так звали того дворянина, о котором я веду рассказ) получил патент полковника, в звании этом вышел в отставку и удалился в Нордкюпинг, торговый город, расположенный в пятнадцати лье от Стокгольма, на канале, веду-

щем от озера Венерн прямо к Балтийскому морю через провинцию Эстерйетланд.

Сандерс женился, у него родился сын, которого короли Фридрих* и Адольф-Фредерик** приняли столь же любезно, как и предшествующий король — самого отца. Благодаря своим собственным заслугам продвигался он по службе; как и отец его, заслужил чин полковника, будучи еще молодым, вышел в отставку и также уехал в свой родной Нордкопинг, где по примеру отца женился на дочери небогатого негоцианта. Она умерла двенадцать лет спустя, произведя на свет Эрнестину, героиню нашей истории, случившейся три года назад.

Следовательно, Сандерсу было тогда сорок два года, Эрнестине же исполнилось шестнадцать, и она по справедливости считалась одним из прекраснейших созданий, которое когда-либо порождала Швеция. Она была высокого роста, прекрасно сложена, имела облик благородный и гордый, самые прекрасные живые черные глаза и густые длинные волосы того же цвета, что весьма редко встречается в нашем климате. Но, несмотря на это, кожа ее была необычайно бела и прекрасна. Находили, что она имела сходство с великолепной графиней Спарра, знаменитой подругой нашей

* Король Швеции (1676—1751).

** Король Швеции (1751—1771).

ученой королевы Кристины, и сравнение сие было справедливо.

Юная Сандерс еще не достигла упомянутого нами возраста, но сердце ее уже сделало свой выбор. Часто слыша от матери, сколь жестоко для молодой женщины, обожающей своего мужа, постоянно разлучаться с ним, когда государственная служба призывает его то в один город, то в другой, Эрнестина, с одобрения отца своего, вынесла решение в пользу молодого Германа. Он исповедовал одну с ней религию и, чувствуя призвание свое к коммерции, получал образование в конторе господина Шольтца, самого известного негоцианта Нордкюпинга и одного из самых богатых людей Швеции.

Герман и сам принадлежал к сословию негоциантов. Родителей своих утратил он еще в ранней юности. Отец, умирая, поручил его господину Шольтцу, старинному своему компаньону, поэтому молодой человек проживал у него в доме. Заслужив доверие своего покровителя благодаря упорству и смекалке, Герман, хотя ему еще не было и двадцати двух лет, уже вел все счета торгового дома Шольтца, как вдруг глава его внезапно скончался, не оставив наследников. Отныне молодой человек находился во власти вдовы негоцианта, женщины сильной и высокомерной, которая, несмотря на все советы супруга своего

относительно Германа, казалось, была решительно настроена избавиться от молодого человека, если тот не будет отвечать ее чаяниям.

Герман, словно созданный самой природой для Эрнестины, был столь же красивым мужчиной, как суженая его — прекраснейшей из женщин, и они оба обожали друг друга. Такой юноша, несомненно, мог внушить любовь вдове Шольтц, женщине сорока лет, но еще свежей. А так как сердце его было занято, то совершенно ясно, что он не отвечал на намеки своей хозяйки и, сомневаясь в искренности ее любви к нему, благоразумно делал вид, что ничего не происходит.

Однако страсть эта беспокоила Эрнестину Сандерс. Она знала госпожу Шольтц как женщину решительную, предприимчивую, с характером вспыльчивым и ревнивым; подобная соперница весьма волновала ее. Тем более что для Германа Эрнестина была менее выгодной партией, нежели вдова Шольтц: со стороны полковника Сандерса не имела она ничего, хотя от матери и унаследовала некоторое состояние. Но разве можно было сравнить его с богатством, которое вдова Шольтц могла предложить своему юному служащему?

Сандерс одобрял выбор дочери. Не имея иных детей, он обожал ее. Зная, что Герман обладает некоторым состоянием, умен и благовоспитан,

а главное — сумел завоевать сердце Эрнестины, Сандерс был далек от того, чтобы препятствовать столь подходящей партии. Но судьба не всегда желает нам блага: кажется, что удовольствие ее состоит именно в том, чтобы расстраивать самые добродетельные планы людей, дабы те из непредсказуемости сей вывели урок о том, что в этом мире не следует ни на что надеяться, ибо в нем царят превратности и хаос.

— Герман, — обратилась однажды вдова Шольц к молодому возлюбленному Эрнестины, — вы уже достаточно поднаторели в торговле, чтобы завести наконец собственное дело. Состояние, оставленное вам вашими родителями, благодаря неусыпным заботам супруга моего и моим весьма увеличилось, и вы вполне можете воспользоваться им по своему разумению. Заведите же свое дело, друг мой, а я вскоре намерена удалиться на покой. При первом же подходящем случае мы произведем расчеты наши.

— К вашим услугам, сударыня, — ответил Герман. — Вы знаете, что я честен и не корыстен. Я совершенно спокоен за состояние свое, находящееся в ваших руках, также и вы можете быть спокойны за деньги, доверенные вами мне.

— Но, Герман, разве вы не хотите зажить собственным домом?

— Я еще молод, сударыня.